

ЗА СПИНОЙ — РОССИЯ

Тяжелая продолжительная болезнь унесла из жизни омского писателя, нашего старого автора Петра Петровича Карякина. Когда готовилась к печати эта рецензия, он был еще жив...

СКОЛЬКО книг о войне мы уже прочитали... Современная литература настойчиво разрабатывает эту поистине неисчерпаемую тему. Отпраздновано тридцатилетие Победы, а читательский интерес к произведениям о войне не иссякает, скорее наоборот — увеличивается. Это вполне закономерно: подвиг нашего народа настолько беспримерен, а жертвы, принесенные им, настолько велики, что сегодняшней читатель стремится лучше узнать, понять, прочувствовать нелегкую, но прекрасную судьбу своей страны.

Только что появилась на прилавках магазинов книга омского писателя Петра Карякина «Прощание славянки»^{*)}.

^{*)} Петр Карякин. «Прощание славянки». Повести и рассказы. Западно-Сибирское книжное издательство. Новосибирск, 1975 г.

Повесть, давшая книге название, уже знакома любителям литературы, до этого она дважды выходила в свет — в Омске и Новосибирске. И сам этот факт, и одобрительные отзывы критики говорят об устойчивом ее успехе.

Главный герой повести — молодой солдат Зарубина. Мы знакомимся с ним в нелегкую для него минуту: только что товарищи вынесли его, тяжело раненного, с поля боя. Композиция книги такова, что о прошлой жизни Зарубина читатель узнает из его воспоминаний, и психологически это весьма точное построение: разве не о чем вспомнить, не о чем подумать человеку, уложенному войной на госпитальную койку...

Вообще надо сказать, что психологическая точность — одно из главных отличительных свойств Петра Карякина как писателя. Она видна не только

в обрисовке характеров героев, но и в деталях. Вот товарищи ищут и не могут в ночной темноте найти, куда же ранило Зарубина. «Усатый зажег последнюю спичку, поднес к самому лицу раненого, повернулся к сержанту, проговорил, будто обрадовался:

— Вот оно куда хлестануло!» Слова «будто обрадовался» как нельзя лучше передают душевное состояние человека в данную минуту...

А вот главный герой сидит в окопе перед ничейной полосой: «Здесь, где не было никого, кроме нацеленных в него пулеметов, Зарубин сильнее, чем раньше, чувствовал за своей спиной Россию, а себя более, чем когда-либо, самостоятельным, отвечающим за нее человеком»...

В заглавной повести книги присутствует и любовная линия. Вернее, она только-только намечается и... исчезает, жестоко оборванная войной. Зарубин с нежностью и юношеским трепетом вспоминает свою

школьную подругу Валою, ныне радистку, как и он, защищающую Родину где-то на другом фронте. Это чистое, можно даже сказать, полудетское чувство, но как оно нужно Зарубину здесь, среди страшной повседневности войны, где до смерти и в самом деле четыре шага! Валя погибает во время бомбежки. Это известие застаёт Зарубина дома, в далеком тыловом городе, куда он вернулся после госпиталя. И именно оно заставляет его принять решение вновь проситься на фронт, вновь идти в колонне по четыре к воинской площадке, твердо печатая шаг под звуки старого марша «Прощание славянки».

Высоко оценивает повесть нашего земляка критик В. Шапошников. В своих заметках о военной прозе писателей-сибиряков, напечатанных в февральском номере журнала «Детская литература», он утверждает, что ее можно поставить в один ряд со знаменитым симонов-

ским стихотворением «Жди меня» и таким этапным для нашей литературы последних лет произведением, как «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева. Более того, В. Шапошников считает «Прощание славянки» произведением «во многом превосхитившим» «Пастуха и пастушку». Справедливая, на наш взгляд, мысль.

В книгу вошли также маленькая повесть «Локотков» и рассказы. Особенно впечатляет «Локотков». В этой повести рассказывается о том, как командир минометного расчета сержант Локотков последней миной предрешает исход всего боя: последним выстрелом, сделанным в сторону вражеского командного пункта, он убил всех офицеров, собравшихся там на совещание. Случай, по всей вероятности, редчайший. Но заслуга писателя как раз не в том, что он рассказал нам о редчайшем случае. Повесть не об этом, а о том, что Локотков был подготовлен к такому выстрелу — подготовлен своим добросовестным и творческим

отношением к ратному труду. Он лучше всех в роте «определял расстояния на местности и быстрее всех делал вычисления для ведения огня». Ненависть к врагу у героя повести переплавилась в виртуозное владение оружием. Сержант и не подозревает о результатах своего последнего выстрела, благодаря которому спасен от разгрома наш батальон и даже, возможно, обеспечено дальнейшее наступление. Он озабоченно спит в свое подразделение, с болью вспоминает о погибших товарищах, торопится «навстречу своей военной судьбе». А мы начинаем понимать, что вот именно такие Локотковы, добросовестные, трудолюбивые и негромкие люди, ежедневно и ежечасно приближали день Победы...

...Автору этой рецензии довелось недавно прочитать еще не изданную повесть Карякина «Филипповы дети». Думается, что и это произведение, будучи напечатанным, закономерно займет достойное место среди лучших наших книг о жизни тыла, о судьбе женщины во время войны, о нелегкой любви того сурового времени.

А. ЛЕЙФЕР.